

меры и стал засорять русский литературный язык непомерным количеством устаревших и уже непонятных славянских слов.

Не случайно и то, что именно к зрелому и позднему периоду деятельности Тредиаковского относятся его труды по переводу книг, не только глубокомысленных, но и передовых в социально-политическом отношении — «Аргениды», а затем истории Роллена и Фенелонова «Телемака».

В предисловии к «Тилемахиде» Тредиаковский оправдывает отказ от рифмы в своем эпосе не только примером Гомера и Вергилия, не только общей оценкой рифмы как пустой игрушки внешнего украшения, но и традицией русского народного безрифменного стиха. Ссылаясь на свое исследование истории русского стиха, он говорит о безрифменности «Тилемахиды»: «Итак, сей род стихов, начатый мною от нескольких уже лет, а ныне рекомендуемый всеобщему употреблению в пииме сей важной, не долженствует казаться нам ни новым, ни диким; он есть возврат от стихотворения странного, детского и неправильного к древнему нашему основному, свойственному и пристойно совершенному». Правда, Фенелонов «Телемак» написан прозой, но это только «за неспособностью французского языка к тоническому еллино-латинскому стиху». «Что ж до нашего языка, то он столько благолепно воскриляется дактилем, сколько и сам еллинский и римский... Природа ему даровала все изобилие и сладость языка того еллинского, а всю важность и сановность латинского. На что ж нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французскую, имеющим всякородное богатство и пространство славенороссийское?».

В данной связи возникает новый критерий эстетических достоинств элементов поэзии, утверждаемых именно исконностью их, свойственностью их русской национальной традиции. Так, отстаивая хорей как основной размер русского стиха, Тредиаковский писал еще в 1752 г. в предисловии к своим «Сочинениям и переводам» («К читателю»), что «хорейческий стих есть сроднее нашему языку», и здесь не так существенно, что он был неправ в существе своего положения, упорно отстаивая введенный им хорей от «ломосовского» ямба, сколько заслуживает внимания самый метод оправдания «своего размера». В «Слове о витийстве» он выдвигает тезис: «Чтоб с самого начала мнение мое объявить, определяю, что о природном своем языке больше, нежели о всех прочих, каждому надлежит попечение иметь». Среди аргументов, подкрепляющих это положение, наиболее существен тот, который утверждает, что язык данного народа есть выражение его духовного склада, что «наружное слово есть знак внутреннего понятия, которое всем людям, всем народам, еще и всякому человеку есть наиобщественнейшее; но наружные знаки или наружное слово инако, потому что каждый народ на особливые согласился изображения для названия именем той или другой вещи. По сему наруж-